Владимир Кузин. г. Владимир

Кузин Владимир Ильич, 27 января 1964 года рождения, образование среднетехническое (авиамеханический техникум) и незаконченное высшее (четыре курса Ивановского государственного университета, филологический факультет). Работает в охране. Имеет ряд публикаций в центральной и местной прессе.

Чебурашка

– Командир, тут баба поранена лежить!

– У свідомості?

– Неа, у відключці.

Капитан подошёл и ударил женщину по щеке.

– Ти подивися, – сержант улыбнулся, – прочумалася.

– Зв'яжи її, щоб не брикалася.

– Зрозумів, – сержант осмотрелся и взял с вешалки ремень. Подошёл к раненой, перевернул её лицом в пол и скрутил ей руки за спиной.

– Сашко! – капитан крикнул в сторону входной двери.

В блиндаж вбежал лейтенант.

– Доглянь за дівкою, – капитан кивнул на раненую, – перев'яжи її і зроби укол знеболюючого. А то здохне завчасно, – посмотрел на лейтенанта, – усёк?

Тот кивнул:

– Перевязать и обезболить.

– А главное?

– М-м… – тот замялся. – Стеречь.

– Вот именно. Государственный язык нужно знать как «Отче наш…»

–Михайло, – капитан обратился к солдату, стоявшему у двери. – Зв'яжися по рації з Гринею-Хірургом. Треба, щоб його хлопці її забрали. У неї напевно важлива інформація є, а Гриня її говорити змусить. Тільки нехай вони поспішать. Повідом їм координати.

Тот кивнул. Повернулся к сержанту:

– Ті двоє куди побігли?

– В березняк, – ответил тот, – у напрямку Горлівки.

– Скажи бійцям, щоб все за ними, – и все трое выбежали из блиндажа.

Лейтенант подошёл к раненой, обхватил её и посадил на пол спиной к стене. Затем расстегнул ей куртку и оголил плечо. Вынул из своей походной аптечки шприц и вколол его женщине. После чего наложил на рану пластырь и принялся её забинтовывать.

Она слегка приподняла голову и поморщилась.

–Терпи, – сказал лейтенант. – Хорошо ещё, навылет прошла.

Раненая некоторое время смотрела на него сквозь упавшие на лицо волосы… Затем усмехнулась:

– Вот, значит, как… А я всё думаю, откуда козлятиной прёт?

– В каком смысле? – лейтенант повернулся к ней спиной и стал укладывать бинт и ампулы в аптечку.

– В прямом. Видать, у тебя на морде Милкины сопли ещё не обсохли…

Он застыл… потом резко обернулся.

– А синяк-то на заднице прошёл? – женщина улыбнулась.

Лейтенант поднял её волосы с лица.

– Ольга? – Он отпрянул. – Это ты?

– А ты, Чебурашка, слепой?

Он сел на табуретку. С минуту оба молчали. Вдалеке слышались раскаты артиллерийских ударов. Да время от времени треск пулемётных очередей…

– Чебурашка, – он усмехнулся. – Ты ещё помнишь моё прозвище.

– Я всё помню, Саша… Я, когда впервые увидела твоё круглое лицо и слегка оттопыренные уши, так сразу тебя и назвала – Чебурашка. Думала, ты обидишься, а ты ничего…

–Это на Светкиной даче, что ли?

– Ага. Помнишь, она нас пригласила к себе на свой день рождения… ну, там шампанское, шашлыки и прочее… Да и вообще пожить у неё недельку…

–Да, время тогда мы провели весело.

Оба засмеялись.

– Слушай, а с чего Милка на тебя тогда наехала?

– Сам не могу понять, – он пожал плечами. – Светка попросила нас с Мариком яблоню во дворе посадить. Я подошёл к сараю, нагнулся за лопатой… И вдруг эта коза меня бац рогами под зад. Потом своей мордой в мою щёку ткнулась. Я думал, она мне сейчас ухо откусит.

– Да уж, заорал ты во всё горло. Вскочил, бросился наутёк, а она за тобой… Еле потом со Светкой её оттащили…

– Меня после этого ребята в группе подкалывали. Ну как, спрашивали, первый поцелуй?.. Да ты ещё… Пристала тогда ко мне – снимай да снимай брюки, нужно рану обработать.

– Я переживала… А ты краснел как малолетка…

– Я тебя в первый раз видел…

– Зато какой классный был вечер. Малиновый закат, тишина… А помнишь, как мы плавали с тобой в озере наперегонки?

– Я ещё удивлялся, почему ты всё время выигрываешь!

– Дорогуша, я с третьего класса в бассейне тренировалась…

– Мы с тобой каждое утро в лес ходили…

– Какой там был воздух!… И туманы… туманы…

–А как ты ложных опят набрала, помнишь? Хорошо, я в грибах разбираюсь.

– Ты мне тогда такой щелбан по лбу отвесил, что у меня неделю синяк не проходил.

– Так дело-то было серьёзное, могла сама отравиться и других отравить.

– Слушай, а помнишь нашего Кроху?

– Бельчонка?

– Да, на сосне в дупле жил. Мы ему с тобой семечки и орешки оставляли…

– Он почти каждое утро нас встречал.

– Однажды у меня даже из руки кусочек хлеба взял…

– Помню… Ты тогда от восторга даже взвизгнула…

– А место наше не забыл?

– У косой берёзы?

Она кивнула.

– Однажды мы с тобой сидели там на берегу и смотрели на уплывающие вдаль облака… О чём-то без умолку болтали… Я поёжилась, и ты снял с себя ветровку и накинул её мне на плечи. А потом впервые меня чмокнул в щёку.

– Веришь, я тогда дрожал как осиновый лист.

– Да я сразу поняла, что ты был не целованный.

– Зато ты меня так к себе прижала… Я аж обалдел…

– Во сколько же мы с тобой вернулись?

– Где-то полшестого, уже светало… Светка с Мариком почти не спали, волновались за нас. Отругали…

– После мы каждое лето туда ездили. – Она вздохнула. – Хорошая у нас была компашка. ВГИКовцы. Я со Светкой с актёрского, ты с режиссёрского, Марк – будущий сценарист. Все увлечённые, с горячими сердцами.

– А планы какие были… Ты, помнится, грезила Достоевским. Мечтала о роли Сони Мармеладовой. Удивлялась, как в этом персонаже одновременно уживаются и страдание, и жалость, и обида, и прощение. Кстати, Надежда Степановна, педагог по актёрскому мастерству, тебя хвалила. Говорила, что у тебя большое будущее. Да и ребята на твои этюды толпами ломились.

– А ты был увлечён Тарковским. Всё таскал меня на его фильмы и пытался мне рассказать о его методе создания на экране сновидений и грёз… Восхищался, с какой силой его образы проникают в сердце. Например, наклоняющийся на фоне солнца могильный крест.

– Это из «Иванова детства»… Мы с Мариком хотели создать нечто подобное, даже сценарий написали…

– Интересно, где сейчас наш многообещающий драматург?

– Марик? В Израиле. Что-то там пытается публиковать. Пишет, что ни фига его замыслы никому не нужны… А твоя подруга? Со своим ангельским голосом.

– Светка поёт в ночном баре. В Норвегии…

– Ясно. Свою любимую Клеопатру так и не заполучила…

– Да какой там… У неё муж на пособии и дочь. Только о бабках и мысли…

– Опять кровь пошла. Ну-ка…

Он подсел к раненой и наложил на повязку дополнительный слой бинта.

Некоторое время оба сидели молча.

– Ты куда после ВГИКа пропал? Говорил, что уедешь ненадолго, а сам… Я тебя ждала…

– Мне предложили снимать рекламу в одной частной киностудии. В Киеве. Посулили приличные деньги. Тогда время было тяжёлое, я готов был за любые съёмки взяться. Думал, сначала встану на ноги, а уже после продолжу, как говорил, дело Тарковского. Обязательно буду снимать тебя… Но потом затянуло, ничего другого в перспективе не оказалось… А дальше случился Майдан. Я начал снимать ролики про него… закрутилось, завертелось. Подружился с боевыми хлопцами… Ну, а ты что?

– Я потыкалась туда-сюда, снялась в эпизодах у нескольких режиссёров, но чего-то серьёзного так и не случилось. Всё какую-то пошлятину предлагали. Плюнула на всё и уехала в свой родной Донецк, работала в Музыкально-драматическом театре. А когда случился четырнадцатый год, поняла, что сейчас не до сцены. Окончила курсы связистов и теперь занимаюсь отнюдь не актёрством…

Он встал и заходил из угла в угол. Взял со стола чайник, отхлебнул из него, поставил на место.

– Служишь террористам? – Резко к ней подсел. – Ты хоть раз видела, как их ракеты и бомбы убивают наших ребят в окопах?

– А ты хоть раз за восемь лет задумался о том, что ваши снаряды превращали Донбасс в развалины? Когда ты жрал в ресторанах и кувыркался с бабами в постели, ты думал о том, что в этот самый миг эти ваши залпы отрывают ручки и ножки нашим детишкам? Ты знаешь об Аллее Ангелов в Донецке? Это полторы сотни детских могил! У тебя не мелькала мысль, что именно об этом нужно было снимать кино? Если бы люди вовремя узнали правду, может, всё бы сложилось иначе…

– Мы били по городу, захваченному сепаратистами. Это территория Украины; и только Украина вправе решать, что на её земле делать.

– Это в первую очередь земля дончан. Здесь наши дома и могилы наших предков. И на каком языке общаться и какие отмечать праздники, решать должны мы. А не те, кто засел в Киеве. Это не мы к вам пришли, чтобы вам своё навязать. А, наоборот, вы к нам. С пушками и танками. Если в семье одного из супругов что-то не устраивает, то всё должно решаться кулаками? Целовать или нет портреты Бандеры? Говорить ли на языке Достоевского и Чехова?

– Ну, Бандера мне до лампочки. Я защищаю свою землю от таких сепаров, как ты, которые хотят оттяпать от неё кусок. И меня в этом не переубедить. Я здесь родился, и это моя Родина.

– Насколько я помню, ты коренной киевлянин. А вот я родилась на Донбассе. И защищаю именно свою Родину. И меня в этом тоже не переубедить.

Он наклонился к её лицу.

– А для москалей это тоже Родина? Или как?

И глаза его блеснули.

– А какой кровный брат не защитит свою сестру от издевательств её бешеного супруга? Или как?

И её глаза блеснули в ответ.

– И что тебе твой брат даст? – Он кивнул на восток. – Идеологию «совка» с её уравниловкой и запретом на собственное мнение? Власть посредственностей, гнобящих неординарные личности и таланты? Как в своё время Тарковского.

– А тебе твои кукловоды? – Она кивнула в сторону запада. – Идеи волчьей конкуренции как норму отношений? Бесконечного кайфа, как смысла жизни? Это для того ты натовскую каску на себя напялил?

– Эти, как ты говоришь, кукловоды несут людям свободу и цивилизацию. И мы желаем стать её частью.

– Частью того, где мужик с мужиком, а баба с бабой? Где ежегодно беснуются, нарядившись в чертей и ведьм? А мари-

хуана становится нормой? Тогда флаг тебе в руки. Вот только я не хочу, чтобы моя Родина превращалась в Содом и Гоморру.

– Фанатичка, – он отошёл в сторону и снова сел на табуретку.

Некоторое время оба молчали.

– Чёрт, – он опустил голову, – до чего же всё-таки не туда жизнь пошла, до чего же не туда. Андрей Арсеньевич как-то сказал, что человек рождён, чтобы оставить после себя произведения искусства, а не руины после катастрофы… Похоже, что всё пошло по второму варианту. – Он вздохнул. – Значит, мы с тобой так и не найдём общего языка.

– Не найдём. Отдай меня Грине, и на этом всё.

– Кому?

– Командир твой сказал же, что сейчас за мной приедут от Грини. Ты что, не в курсе, кто это?

– Я не особо понимаю украинский… Наверное, кто-то из СБУ. Скорее всего, попадёшь в обменный фонд. У вас наших пленных тоже много. Обменяют, и вернёшься в свой Донецк.

– Не угадал, Саша. Гриня-Хирург не СБУшник. А из правосеков. И у нас он хорошо известен. Например, тем, что отрезает сначала пальцы, а потом уши. А у женщин, кроме того… Ну, подробности тебе знать необязательно. Но в живых он из своих клиентов не оставляет никого. Боится свидетелей среди наших. И мести…

Он медленно поднялся с табуретки. Несколько мгновений стоял, как вкопанный.

– Ты что же молчала? – Его голос задрожал. – Почему сразу мне не сказала?

– А что это для тебя меняет? Я ведь сепар.

Он быстро подошёл к ней, схватил её за подмышки и поставил на ноги.

– Идти можешь? Сейчас доведу тебя до оврага, там внизу будет ручей. Пойдёшь прямо по его течению и к рассвету дойдёшь до своих. Давай развяжу…

Она отпрянула и села на пол.

Он наклонился к ней.

– Что не так?

– Ты глупый? А как ты своим объяснишь, что я, раненая и связанная, от тебя убежала? Они вмиг всё поймут. И тогда к Грине уже повезут тебя!..

– Да я… скажу, живот схватило, понос. Отошёл в лес, а после не смог тебя найти, вон заросли какие…

Она усмехнулась.

– Ты себя слышишь? Кто в эту чушь поверит?

– Зато ты уже будешь далеко.

Она посмотрела ему в глаза.

– Ты, видно, тогда у косой берёзы так ничего и не понял. – Опустила голову и тихо произнесла: – Если с тобой из-за меня что-то случится, я себе этого никогда не прощу.

– И что теперь?

– Я должна остаться…

– Только не это…

Он отошёл к столу. Внезапно обернулся.

– А если откупиться? Скажешь нашим, что за тебя хорошо заплатят. Тогда они тебя не тронут.

– У нас сотни детей и стариков в разрушенных домах живут, без хлеба и воды, а я буду на свою шкуру деньги клянчить?

Он опять подскочил к ней:

– Да речь не о хлебе, а о твоей жизни! – Он тяжело задышал.

Канонада резко усилилась. Пол и стены блиндажа задрожали.

– Русская арта. Сейчас попрут в атаку… – Он опять сел на табуретку. – Чёрт, как всё глупо. Прямо тупик какой-то…

– Почему, – тихо проговорила она, – выход есть.

– Ну… – он с волнением вскинул голову.

Она посмотрела на него странно изменившимся взглядом.

– Расстегни свою кобуру.

– Зачем?

– Это единственное, что ты можешь для меня сделать… Потом застегнёшь на мне куртку, и рану никто не увидит. Да и некогда им разбираться, нужно будет ноги уносить. А ты скажешь, что, мол, кончилась из-за большой потери крови. От этого, – кивнула на простреленное плечо. – Ты понял? – Она посмотрела ему в глаза.

– Спятила? – Он вскочил с места. – Нет, ты явно ненормальная!

– Саша, я видела изуродованные трупы, оставленные правосеками Грини. Медики сказали, что их мутозили как минимум сутки. Если ты желаешь мне такой участи – ну что ж, так тому и быть.

– И ты предлагаешь это сделать мне? – Он дико на неё взглянул.

– А ты желаешь, чтобы это сделал Гриня? Медленно и с расстановками?

Он подскочил к ней и схватился за ремень, которым были связаны её руки, пытаясь развязать узел:

– Сейчас же чтобы духу твоего здесь не было! А я со своими сам разберусь.

Она ударила его головой в грудь. Он отскочил, держась за ушибленное место. Снова кинулся к ней, но она ударом ноги отбросила его к столу. Чайник и кружка с грохотом повалились на пол.

– Я никуда отсюда не уйду! – Она тяжело задышала. – Буду зубами тебя грызть, но не дамся!..

– Что ты делаешь? – Он закрыл руками лицо. – Что же ты со мной делаешь?..

Вдалеке послышался шум мотора. Он вынул из футляра бинокль и выбежал из блиндажа… Через некоторое время вернулся:

– БТР. С красно-чёрными полосками. Где-то в километре отсюда.

– Они.

На её лице выступила испарина.

Он заметался взад-вперёд по блиндажу. Обернулся к ней:

– Умоляю тебя, беги!..

Она замотала головой.

– Тогда встречай гостей, ты сама это выбрала.

– Это и твой выбор тоже.

Он глянул на неё как испуганный младенец.

А она посмотрела на него умоляющим взглядом.

Он внезапно побледнел. Медленно подошёл к ней, вынул из кобуры пистолет и приставил его к её груди.

– Это неправильно… – уставился в пол и забормотал как в бреду. – Вообще всё неправильно. Тебе нужно жить, сниматься. Ты талант.

Она прислонилась спиной к стене.

– У меня в боковом кармане куртки мамин адрес. Черкани ей, когда сможешь. Чтобы больше не ждала. Только без подробностей.

Он заревел.

– Оля, как же так. Ведь ты самый дорогой для меня человек. Мы же с тобой мечтали идти по жизни вместе. Что же мы с тобой натворили?

– Возьми чуть левее…

– Что? – не понял он.

– Дуло немного влево… Вот сюда… Так будет наверняка…

Он продолжал всхлипывать.

– Ну-ну, Чебурашка, смелее. Это нужно нам обоим… И утрись потом…

Его затрясло.

– Не смогу…

– Ого, да ты прямо как тогда, при первом поцелуе…

Он уткнулся в её растрёпанные по плечам волосы.

А она прижалась лбом к его щеке и тихо проговорила:

– Как это было у него в «Сталкере»?

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Всё горело светло.
Только этого мало.

Он подхватил, и они продолжили вместе:

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала.
Мне и вправду везло.
Только этого мало…

Он с силой зажмурился и нажал на курок…